

Тренировка подходила к концу, шум в зале постепенно стихал, остались лишь редкие удары по волану и звуки того, как игроки собирают инвентарь. Солнце косо пробивалось сквозь стеклянные окна с западной стороны, вытягивая на полу длинные полосы света и тени — половина яркая, половина тёмная, и они как раз падали на две фигуры в центре корта.

Сюй Линь стоял, скрестив руки на груди, прислонившись к перилам в стороне от остальных, и молча наблюдал за происходящим на площадке.

Он всегда был таким.

Не любил толпу, не любил пересуды, не любил участвовать в шумных и пустых разговорах. Среди эмоциональных подростков он выглядел особенно спокойным, даже чересчур отстранённым. Пока остальные галдели, обсуждая победы и поражения, то, как Инь Юнь выкладывается, и насколько загадочен Шэнь Цзи, он просто слушал, не влезал, не поддакивал, и взгляд его оставался таким же ровным, как вода в глубоком колодце.

Но только сам Сюй Линь знал: он видел всё.

С самого финала городского чемпионата он всё это время наблюдал.

Наблюдал, как Инь Юнь, гений, на которого все взирали с восхищением, впервые познал горечь поражения; как гордость в его глазах разбилась вдребезги, а затем быстро собралась вновь, наполнившись ещё более жгучей жаждой боя; как он день за днём преграждал путь Шэнь Цзи, снова и снова получал отказ, но всё равно не сдавался, упрямый, словно луч света, во что бы то ни стало стремящийся пробиться в зимнюю стужу.

Наблюдал и за Шэнь Цзи.

Наблюдал, как он молча появлялся на корте, молча тренировался, молча выигрывал каждый спарринг. Как он держался со всеми холодно и отстранённо, игнорируя любые попытки заговорить, приблизиться, проверить, словно в целом мире для него существовали только ракетка и волан, а всё остальное не имело к нему отношения.

Но только к Инь Юню — по-другому.

Это, возможно, другие чувствовали лишь смутно, но Сюй Линь видел отчётливо.

Шэнь Цзи с другими был по-настоящему нетерпелив, мог просто развернуться и уйти, не удостоив даже взглядом. Но когда Инь Юнь снова и снова подходил, провоцировал, приставал, лип, его «раздражение» было лишь поверхностным, его «холод» — наигранным, а его «игнорирование» больше походило на неуклюжую маскировку, за которой скрывалось неумение реагировать.

Во время недавнего перерыва Инь Юнь подошёл и с улыбкой подколот его, сказав, что тот поддаётся. Шэнь Цзи на словах холодно велел ему «катиться на другую половину площадки», но сам остался стоять на месте. И даже когда Инь Юнь тут же смягчил голос, чтобы его успокоить, Сюй Линь ясно увидел, как пальцы на руке Шэнь Цзи, опущенной вдоль тела, на едва уловимый миг расслабились.

А ещё прошлый утренний поединок: на последнем воляне у Шэнь Цзи была явная возможность закончить игру насмерть, но за мгновение до удара он слегка ослабил силу.

Не ошибка, не усталость — намеренно.

Эти мельчайшие, почти неуловимые детали не видели шумные товарищи по команде, не видел Линь Юйхэн, помешанный на шиппинге, не видел и Чжэн Ицзинь, снедаемый завистью и горечью.

Только Сюй Линь видел всё ясно.

Он был наблюдателем, и притом самым хладнокровным.

— Ты опять тут один стоишь, зависаешь?

Лёгкий голос раздался рядом. Подошёл Линь Юйхэн с бутылкой воды в руках, на лице ещё не остыло возбуждение — очевидно, он всё ещё был под впечатлением от только что подслащённого момента.

Сюй Линь мельком глянул на него и ничего не сказал.

— Я тебе говорю, сцена с Юнь-гэ и Шэнь Цзи была просто бомба, — понизив голос, с жаром продолжил Линь Юйхэн. — Ты видел Шэнь Цзи? На словах он злой, а тело его не обманешь — он вообще не хотел Юнь-гэ гнать по-настоящему. Разве это не симпатия?

Сюй Линь помолчал, потом наконец заговорил, голос его был ровен и спокоен:

— Они просто соперники.

— Разве соперники бывают такими? — недовольно возразил Линь Юйхэн. — Обычные соперники станут каждый день вместе торчать на тренировках? Станут поддаваться? Станут...

— Если не заткнёшься, я расскажу тренеру Вэню, что ты на тренировке не занимался, а только сплетничал, — равнодушно бросил Сюй Линь.

Линь Юйхэн мгновенно заткнулся, обиженно замолчал, но всё же не удержался и покосился на корт, глаза его блеснули.

Сюй Линь перевёл взгляд обратно на площадку.

Инъ Юнь уже затащил Шэнь Цзи на новый раунд игры.

Белый волан сновал над сеткой, звук рассекающего воздух удара был чётким и ритмичным. Инъ Юнь по-прежнему был быстр, как ветер, его сеточные приёмы сменяли друг друга, каждый удар нёс упрямство; Шэнь Цзи же стоял крепко, как скала, защита — ни единой лазейки, контратаки — резкие и точные, но в определённые моменты он незаметно оставлял Инъ Юню крошечный шанс.

Один — явный, другой — скрытный; один — горячий, другой — холодный; один — преследует, другой — избегает.

Сюй Линь прищурился.

Он видел очень ясно: поначалу Инъ Юня к Шэнь Цзи вело нежелание уступать, навязчивая идея, страсть, разожжённая уязвлённым самолюбием. Но с каждой новой совместной тренировкой, с каждым взглядом, с каждым мгновением, проведённым рядом, в эту чистую жажду боя незаметно примешалось что-то ещё.

Любопытство. Внимание. Непреодолимое притяжение.

А Шэнь Цзи по отношению к Инъ Юню — от изначального безразличия и раздражения до молчаливого согласия и потакания, а затем и до нынешнего неприметного поддавания и скрытой заботы. Сердце, скованное вечным льдом, казалось, понемногу, под действием этого слишком яркого, слишком упрямого света, покрывалось мелкими трещинами.

Посторонние видели лишь соперников, что стоят друг против друга, лишь спортивное противостояние равных сил.

Только Сюй Линь, хладнокровный наблюдатель, разглядел скрытое под поверхностью волнение.

Он не указывал на это и не собирался.

Некоторые вещи не нужно произносить вслух, не нужно объяснять — достаточно просто молча смотреть, как они происходят, растут и распространяются.

В этот момент с края площадки вошёл тренер Вэнь Цзэюй, хлопнул в ладоши, привлекая

всеобщее внимание.

— Все собрались сюда, я расскажу о дальнейших планах.

Игроки один за другим прекратили тренировку и стянулись к нему. Инь Юнь тоже нехотя убрал ракетку, потянул Шэнь Цзи за руку:

— Пошли, вместе послушаем, что скажет тренер.

Шэнь Цзи нахмурился — казалось, ему непривычно, когда к нему прикасаются, — но руку не отдёргнул и молча последовал за ним.

Сюй Линь смотрел на их удаляющиеся спины, шагающие к толпе: один в чёрном, другой в белом, один холодный, другой тёплый, их фигуры смотрелись вместе до неприличия гармонично.

Он мягко отвёл взгляд, в его глазах по-прежнему не было ни единой эмоции.

Будучи наблюдателем, он не станет вмешиваться, мешать, раскрывать тайны и уж тем более, в отличие от Линь Юйхэна, не будет сходить с ума от сладких моментов.

Но он будет смотреть.

Смотреть, сможет ли этот свет наконец-то по-настоящему озарить ту застывшую тьму.

Смотреть, к какому финалу придут эти два рождённых друг для друга противника.

Хладнокровный наблюдатель, который всё видит, но не говорит.

А история только начинает становиться интересной.

<http://bllate.org/book/19705/1937962>